

СПОСОБЫ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЙ ЗАМЕНЫ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ

В докладе рассматривается повесть Николая Рубана «Тельняшка для киборга». Произведение можно отнести к мемуарному жанру с элементами фантастики. Насколько можно судить со стороны, по идее автора, эта повесть рассчитана на юношество, призвана наиболее всесторонне осветить учебу в Рязанском воздушно-десантном училище, как пишет автор, «самые счастливые мгновения». Поэтому повесть можно назвать реалистическим произведением, но ненужного натурализма автор старается избегать, в том числе и в языке.

Если говорить в целом, то, несмотря на то, что обсценная лексика стала в наше время «печатной», тем не менее в стилистическом плане ее использование в большинстве случаев мешает восприятию. Это связано с тем, что данный пласт речи является ситуативно связанным и семантически обособленным. Таким образом, очевидно, что автор повести должен был столкнуться с некоторыми трудностями. М.Т. Дьячок отмечает «широкое распространение в солдатском аргоне обсценной лексики», подчеркивая: «В отличие от русского литературного языка, где этот слой лексики табуирован, в солдатском аргоне он имеет нейтральную стилистическую окраску» [Дьячок 1992].

Обратимся к тому, как автор решает задачу. Самый простой способ разрешения противоречия между смыслом и возможностями его выражения – это использование нулевого знака. Иными словами, не называть (не писать, не печатать) слово или выражение, которое недопустимо для данного текста. К такому приему автор прибегает очень редко (например, *Марик*. – не выдержал Керсов. – Ты не зае... блин, не устал, а?; ...! – ответ Керсова был экспрессивен, ярок и цветист, как салют), и, как правило, такое «цензурирование» сопровождается синонимами. В письменном виде для этого используется многоточие. При этом в части случаев в повести как раз речь идет о мате, а в остальных случаях мы сталкиваемся с арготизмами, для которых трудно найти эквиваленты в литературной речи. На такую «безэквивалентность» обращал внимание и М.Т. Дьячок: «В солдатском аргоне... некоторые понятия можно обозначить только при помощи обсценных слов» [Дьячок 1992].

Другой способ, что вполне логично, – это подбор аналогов из фонда общего жаргона и из литературного языка (т.е. типичная эвфемизация). Например, «профукать» (*Оружие не профукайте!*), «кирдык» (*Половине лыж*

уже кирдык пришел), «посеять» (*Ничего не посеял?*); «задрать» (*Задерет меня по самые помидоры!*). Особо следует выделить здесь очень частотное междометие «блин» (*Блин, больно быстро чешем, – беспокоился Мишка. – Может, запаску еще раскрыть?*), редкие экспрессивные выражения «черта лысого», «нет ни черта». Этот раздел эвфемистической лексики может конструироваться с помощью любопытного, на наш взгляд, способа – изменения формы слова.

Изменение может осуществляться путем замены части obscene слова (как правило корневой) на часть другого слова. При этом может осуществляться аттракция (сближение), во-первых, с формально сходным, но в семантическом плане случайным, словом: частотная в повести лексема «звездец» (*...всем вам пришел полный звездац...; Я уж думал – все, звездац, сейчас какую-нибудь корку отмочишь*); глагол «звездеть» (*Ну что, Марик, дозвездеться? – сочувственно вздохнул Цунь*). Кстати, этимологически именно такого происхождения упомянутое выше слово «блин», а также еще в повести мы встречаем выражение «ёлки (–палки)». При этом первичные формы этих слов (формы–стимулы) никакого отношения к «звезде», «блину» и «ёлкам» не имели.

Во-вторых, достаточно легко практически любая из самых obscene языковых единиц превращается в просто просторечную путем замены её корня на формант -*фиг-* (*фигачишь его [кирпич] гантелей в порошок; кончай нафиг*). Вне сферы действия этого форманта могут использоваться другие, также экспрессивные. Например, так образовано слово *гадство* (*Нет, ну что за гадство, а?; Да что же это за гадство!*) Где-то посредине между семантически мотивированной и немотивированной аттракцией находится глагол «скоммуниздить» (*...какая падла скоммуниздила иланг?*) «Финальный» метод эвфемизации основан на преобразовании формы – произвольная модификация звука/вставка звука/усечение слова. В тексте повести мы встречаем эмоционально-экспрессивные языковые единицы «ё» и «ёптыть».

Всё же, несмотря на то, что автор явным образом стремится не использовать наиболее непристойные слова и выражения русского языка (об этих выражениях см. [Химик 2000]), однако, во-первых, допускаются вульгаризмы («Вульгаризм – грубое название предмета или действия, не преследующее никакой агрессивной цели» [Жельвис 2004]), т.е. скатологическая лексика в своем прямом значении (например, *...изготовить взрывчатку из любого материала (в буквальном смысле – хоть из прошлогоднего дерьма)*...). Во-вторых, частотны и простые, менее грубые (относительно, конечно же) лексемы (например, *лопух, баран, жлоб, падла; сдуреть* и др.), а также образования с корнями -*хер-* и -*хрен-* (*Ну ни хера себе; хрен с ним; примета хреновая; уставник хренов; (от)херачить; ну его на хрен*). Это позволяет передать те же значения, что выражаются основными obscene словами: междометное выражение эмоций, интенсивность действия, (негативную) оценку. Встречается слово «сука» а в функции инвективы и одновременно в качестве выражения эмоции (*Сука! – бесновался понемногу приходящий в себя Чорновил.*

Вечером поймаю – убью нафиг!). Случаи вроде последнего, наряду с общим впечатлением от текста, говорят о том, что у автора нет строгой концепции относительно того, какие слова употреблять, а какие нет. Очевидно, автор просто интуитивно стремится избегать наиболее грубых выражений, поскольку, как уже говорилось ранее, неприкрытый натурализм не является целью писателя. При этом заметно, что различные фрагменты повести написаны с различными установками: где сильнее «мемуарный», бытоописательный мотив, там больше грубых выражений; где преобладают размышления автора и описываются ситуации не особенно острые, там язык более литературен. Также по-разному говорят разные персонажи, что тоже влияет на текст в целом. Однако некоторые стилистические недочеты являются достоинствами для исследователя, поскольку говорят о том, что текст довольно естественен и близок к живой речи.

В итоге можно заметить, что без особенно грубой obscene лексик можно обойтись даже при создании текста, описывающего ситуации и отношения, где данный пласт языка является естественным, во всяком случае, допустимым и ожидаемым. Для этого можно использовать как имеющиеся «обычные» синонимические средства из просторечия и даже литературного языка, так и созданные на основе модификаций формы исходного слова. В принципе, можно даже воспользоваться средствами языка, которые позволяют создать потенциально понятный «формальный» эвфемизм на конкретный случай.